

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

О НАЧАЛЕ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА¹

Появление почти одновременно двух работ проф. В. В. Мавродина, посвященных проблеме происхождения русского народа и древнерусского государства, несомненно привлечет к себе внимание не только историков, но и более широких кругов читателей, неизменно проявляющих интерес к этим, всегда актуальным, вопросам. Работы В. В. Мавродина написаны после капитальных исследований на эту тему акад. Б. Д. Грекова и ряда других советских историков. Они опираются на богатейший материал изысканий советских археологов, введших в научный оборот множество новых данных, на выводы советской школы языкознания и труды по этногенезу отдельных народов.

Работа проф. Мавродина охватывает огромный исторический период и большое количество вопросов. Первая глава ее посвящена вопросу о происхождении славян, вторая «антскому периоду», который автор рассматривает как начальный этап в истории русского народа и русской государственности; затем автор подробно останавливается на положении и характеристике восточнославянских племен накануне образования Киевского государства. Очень подробно В. В. Мавродин далее разбирает вопрос о разложении первобытно-общинного строя и возникновении феодальных отношений в древней Руси. После этого идут главы: «У истоков Киевского государства», «Первые государственные образования восточных славян», «Образование Киевского государства», специальные главы отведены Владимиру и Ярославу. В заключение автор выясняет вопрос о значении Киевского периода в истории славянских народов Восточной Европы.

Много внимания автор уделяет проблеме этногенеза восточного славянства, обобщая исследования советских ученых по этому вопросу и высказывая ряд оригинальных соображений. Основные положения автора по вопросу об этногенезе восточного славянства не вызывают возражений и соответствуют современному уровню советской исторической науки. Автор решительно становится на ту точку зрения, что в процессе этногенеза происходит скрещивание, слияние многочисленных племен, что «каждое современное этническое образование является продуктом чрезвычайно сложного исторического процесса схождения и слияния, дробления и распада, переселений и перерождений, скрещиваний и трансформаций разнообразных этнических, т. е. языковых, расовых и культурных, элементов» («Др. Русь», стр. 25). При этом «хотя передвижения и переселения народов не затрагивают основных масс населения, все же они играют известную роль в процессе складывания народностей».

В ходе этногенеза восточного славянства автор выделяет как основные этапы, определяемые сохранившимися веками в виде памятников материальной культуры или письменных источников: 1) время трипольской культуры (3000 лет до н. э.), 2) лужицкой

¹ Проф. В. В. Мавродин, Образование древнерусского государства, изд. Ленингр. гос. ордена Ленина университета, Л., 1945, 432 стр.; В. Мавродин, Древняя Русь (Происхождение русского народа и образование Киевского государства), Огиз, Госполитиздат, 1946, 312 стр. При ссылках на первую работу нами будут указываться в скобках страницы ее, при ссылках на вторую, кроме страницы, будет указываться ее название («Др. Русь»).

культуры (2500—1800 лет до н. э.), 3) скифский период (конец II—начало I тысячелетия до н. э.). «Времена скифских земледельческих племен (VIII—VII вв. до н. э. и до III—II вв. до н. э.),—пишет автор,—когда земледельцы боролись с кочевниками, прорывавшимися до Припяти, Польши и Восточной Пруссии, были временами укрепления тесных межплеменных связей, а следовательно, временами установления языковой, культурной и бытовой общности. Это был диалектический скачок в процессе славянского этногенеза, первый этап формирования славян из аморфной массы палеоевропейских племен. Генетическая связь в городищах скифской поры культурных слоев эпох скифской и киевской, отсутствие указаний на смену населения этих городищ, сходство обычаев, верований, вещественных памятников, произведений искусства наконец, самого антропологического типа скифов и древних русских, связи скифских языков с славянскими, конкретно—русскими, показанные Н. Я. Марром,—все это говорит о том, что вклад скифских земледельческих племен в славянство очень велик» («Др. Русь», стр. 35). Все это пока предки славян, «протославяне». Собственно славянский (раннеславянский) период автор начинает с начала н. э. (культура полей погребальных урн), когда о славянах (венетах) повествуют уже и письменные источники. Антов (VI—VII вв.) автор рассматривает как восточную ветвь славянства, считая, что в этот период восточные славяне достигли высшей ступени варварства, и политическим строем антов был строй военной демократии. В результате нашествий аваров и длительной борьбы с готами, переселений значительной части антов на юг и за Дунай и передвижения вслед за ними более северных племен в Поднепровье, произошел, по мнению В. В. Мавродина, некоторый перерыв и задержка в развитии восточного славянства, почему в IX—X вв. оно «переживает ту же ступень общественного развития, что и анты IV—VI вв., т. е. период военной демократии».

В рассмотрении вопросов этногенеза восточного славянства автор использует выводы, которые сделал А. Д. Удальцов, в последнее время много занимавшийся этой проблемой.

Следует, однако, указать, что автор противоречит своим собственным построениям и делает ошибочные выводы. Так, например, автор заявляет, что «в верховьях Днепра, Оки, Волги и далее на восток к Дону (!) и за Доном (!?) топонимика, как правило, финского (?) происхождения» (стр. 30). Границу «наименований финского происхождения» автор затем распространяет уже «от верховьев Дона к северной части с р е д н е г о (подчеркнуто мною.—С. П.) Приднепровья и вдоль (!) Днепра, далее на северо-запад» (стр. 31), причем финским словом автор считает даже Тверь, так легко выводящееся из древнерусского «твердь». Встав на путь сомнительных топонимических изысканий, автор подорвал свой собственный вывод о процессе славянского этногенеза.

Не вполне последователен В. В. Мавродин и в вопросе о происхождении слова «Русь». С одной стороны, он решительно высказывается за то, что наименование «русь» южного происхождения и означало в IX—X вв. правящую верхушку восточнославянского общества, распространившись затем на весь народ. В. В. Мавродин претендует даже на приоритет в выдвигании этого тезиса, ссылаясь на рукопись своей работы 1938 г. (стр. 388)¹, и решительно возражает против теории о северном (скандинавском) происхождении «руси» (стр. 386—387). Но затем автор неожиданно берет под свою защиту компромиссную теорию Брима, поддержанную Б. Д. Грековым, о скандинавском происхождении слова «русь» и южном, славянском, происхождении слова «рос»,—которые затем соединились (стр. 389, 391). Четкого и последовательного разрешения этого вопроса, бывшего предметом внимания русской науки на протяжении большого периода, автор «Образования древнерусского государства», таким образом, не дает.

Вопрос об образовании древнерусского государства это прежде всего вопрос о том, как в результате разложения первобытно-общинного строя и появления классов

¹ Эта попытка установить свой приоритет перед С. В. Юшковым, развившим сходный тезис в 1941 г., тем более непонятна, что автор далее отмечает принадлежность этой мысли еще Н. Я. Марру. Мы с своей стороны могли бы указать на работу Н. Ладалки «Возникновение и значение наименования «русь», Полтава, 1915 г.

старая форма общественной организации, бывшая подлинным орудием народной воли, в условиях, когда народ еще не раздирался классовыми противоречиями, превратилась в новую, государственную форму, органы которой «превращаются в самостоятельные органы господства и угнетения, направленные против собственного народа»¹. При этом возникающее государство частью преобразует органы родового строя, наполняя их новым содержанием, частью вытесняет и заменяет их.

Уже в период военной демократии создается территориальная форма организации на место прежней племенной, возникают союзы племен, старая родовая община уступает место соседской, развивается индивидуальное хозяйство отдельных семей. Но пройдет немало времени, пока на основе растущего экономического неравенства, ускоряемого военными захватами, произойдет выделение и оформление эксплуататорской верхушки, которая подчинит себе органы общественного управления.

Два момента в истории образования древнерусского государства выявляются с полной отчетливостью. Это, во-первых, VI—VII вв., когда возникает антский союз племен, объединение дулабов и др. Свидетельства античных авторов об этом периоде не оставляют никаких сомнений в том, что перед нами типичный строй военной демократии: налицо еще только первые, не оформившиеся признаки классовых различий; рабство еще полностью носит патриархальный характер, пленных или отпускают, или делают членами семьи. Народное собрание—собрание вооруженных воинов—целиком полновластно.

В IX в. мы уже встречаем ряд древнерусских государств (арабские источники указывают на три таких государства—Артанию, Славию и Куябию; несомненно, что наряду с этими, наиболее крупными, существовали и другие княжения, тяготевшие к древнерусским городам: Полоцку, Смоленску, Чернигову и др., объединившимся затем в Киевское государство. Анализ общественного и политического строя восточных славян в IX—X вв., проведенный в работах акад. Б. Д. Грекова, не оставляет сомнений в том, что в данном случае перед нами государства, в которых власть уже находится в руках эксплуататорской верхушки.

Поэтому большое значение приобретает изучение процесса классовобразования, которое позволяет выявить в IX—X вв. наличие классового общества и дать ответ на вопрос, что представляло собою дофеодальное Киевское государство, какова была его классовая структура. Совершенно правильно, в связи с этим, В. В. Мавродин изложению вопроса о происхождении Киевского государства предпосылает обширную главу о разложении первобытно-общинного строя и возникновении феодальных отношений в древней Руси. При этом автор, характеризуя процесс классовобразования, справедливо отмечает, что «раб—первая категория эксплуатируемого населения Руси. Налицо первое деление общества на классы, деление на рабов и рабовладельцев... Выделившаяся из родо-племенной, общинной организации верхушка... превращается в господствующий класс, базируясь, во-первых, на своем экономическом могуществе, во-вторых, на грубой силе, силе своей дружинной организации, и, в-третьих,—на эксплуатации рабочей силы раба в своем хозяйстве. Все это еще больше усиливало господствующую верхушку, ослабляло прочих общинников и приводило к тому, что путем или открытой эксплуатации, действуя силой оружия, или ссуд, кабалы, «ряды» и т. п., господствующая знать распространяла свое влияние, а следовательно, свою власть и эксплуатацию на своих бывших соплеменников, сородичей, сообщников. Патриархальное рабство перерастает в феодальные формы зависимости» (стр. 156).

Здесь В. В. Мавродин рисует в основном правильную картину процесса формирования классового общества. Следует заметить, однако, что автор противоречит себе, когда пишет, что рабство в Киевской Руси было «патриархальным» (стр. 158), хотя сам он отмечал, что еще в VI в. «рабство у антов переросло патриархальную форму» (стр. 45), знать Киевской Руси—«рабовладельцы» (стр. 159), а рабы были товаром (стр. 156).

Распространенный в литературе тезис, что в киевский период существовало только

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 139—140.

«патриархальное домашнее рабство» (стр. 109) нуждается в уточнении. Что такое патриархальное рабство? Это первоначальная форма рабства, когда раб берется в семью в качестве подсобной рабочей силы, когда он работает и потребляет наряду с остальными членами семьи, часто даже усыновляется.

Патриархальная система рабства, по определению Маркса, была направлена «на производство непосредственных жизненных средств»¹, на «собственное потребление»², причем рабы входили в состав патриархальной семьи.

Можно ли говорить о патриархальном рабстве в период Русской Правды, когда хозяин раба мог его безнаказанно убить, и убийство раба посторонним (без вины) влекло за собою только возмещение убытков хозяину и штраф за истребление чужой собственности, когда раб не был субъектом права и приравнялся к скоту? Очевидно, нельзя.

Анализ различных категорий зависимого населения В. В. Мавродин проводит не вполне точно. Ссылаясь на эволюцию понятий и терминов, В. В. Мавродин считает, что челядью во времена «Русской Правды» назывались зависимые люди вообще, рабы и не рабы (стр. 157). Указаний на источники В. В. Мавродин не делает, отсылая читателя к работе Б. Д. Грекова «Киевская Русь». Между тем перед автором стоит задача разрешить: в каком смысле это слово употреблялось в период составления «Русской Правды»? Ясно, что ответ на него надо искать, опираясь прежде всего на текст самой «Правды». А он гласит, что «яже от челяди плод или от скота», то все это, как и другой прикуп, принадлежит опекуну, «зане кормил и печаловался» опекаемыми. Сомнения невозможны: челядь—это безгласные и бесправные рабы, потомство которых рассматривается наравне с приплодом скота. Далее целый ряд статей «Русской Правды» говорит о порядке виндикации чужих вещей, здесь же упоминается и украденный челядин, причем способность челядина говорить (*instrumentum vocale*) в данном случае дает возможность идти в отыскании вора до конца (в случае покупки краденой вещи у лица, неизвестного покупщику, дальнейшего розыска не производилось и украденное возвращалось его прежнему владельцу). Дело ясное, и здесь челядин—это раб, которого крадут (для свободного, хотя и зависимого человека такая возможность, естественно, не предусматривается) и который рассматривается наряду с другими вещами. Точно также и в летописях челядь постоянно упоминается обязательно наряду со скотом («ополовишися челядью и скотом»).

Еще менее удовлетворяет читателя та интерпретация, какую дает В. В. Мавродин термину «смерд», и его характеристика общественного положения смердов в древней Руси. В советской науке прочно установлено (прежде всего в результате работ Б. Д. Грекова), что в Киевской Руси интенсивно проходил процесс феодализации, втягивания прежде экономически независимых общинников в орбиту феодальной эксплуатации. При этом, как правильно отмечает В. В. Мавродин, часть этих общинников уже в известной мере порывала с общиной и через посредство «купы» или ссуды становилась и юридически зависимой от крупных землевладельцев. Это известные «Русской Правде» закупы. Правоспособность закупа была ограничена, они были обязаны работать, до уплаты долга, в хозяйстве выдавшего ссуду, причем побег закупа вел за собою превращение его в холопа. Наряду с этим смерды «всей общиной, без внутренних взрывов общины, без ее разрушения, как-то незаметно превращаются из свободных общинников-данников в крепостных» (стр. 167). В. В. Мавродин полагает, что это постепенное закабаление общинников-смердов сразу же и автоматически влекло за собою утрату ими юридической правоспособности, и потому хочет доказать, что смерды «Русской Правды» уже выступают как потерявшие свою личную свободу крепостные. Между тем внимательный анализ статей «Русской Правды» о смердах, где они сохраняют все атрибуты свободного общинника, не дает оснований для такого вывода.

Мало того, В. В. Мавродин в своей работе эклектически соединяет точку зрения Б. Д. Грекова и С. В. Юшкова. С. В. Юшков считает, что смерды представляли собою

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIX, ч. 1, стр. 360.

² К. Маркс, Капитал, т. III, ч. II, 1938, стр. 708.

особую категорию сельского населения, уже попавшую в феодальную зависимость, в то время как Б. Д. Греков утверждает, что «смерды»—это общее название крестьянства древней Руси, среди которого были и зависимые от феодалов, потерявшие свою правоспособность и еще сохранившие свою экономическую самостоятельность свободные крестьяне-общинники. При этом основную массу смердов в период Киевской Руси, по мнению Б. Д. Грекова, составляли именно свободные крестьяне. «В основе производства этих (дофеодальных) государств лежит еще не крепостной труд, а труд свободного общинника» («Киевская Русь», изд. 4-е, стр. 67). «Основной социальной базой Киевского государства являлось свободное сельское и городское население» (там же, стр. 210).

В. В. Мавродин механически объединяет концепцию С. В. Юшкова с позицией по этому вопросу Б. Д. Грекова, видимо, не отдавая себе отчета в существовании разногласий между этими исследователями.

«Склонен считать смердов,—заявляет В. В. Мавродин,—особой категорией сельского населения, полагая, что смердами назывались крепостные крестьяне» (стр. 168). Смерд—зависимый от князя человек. Об этом говорит вознаграждение за убийство и за «муку» смерда, идущее в пользу князя (стр. 166). Но в пользу князя шли вообще все уголовные штрафы, в том числе и за убийство и за «муку» бояр, из чего, однако, не следует, что и бояре Киевской Руси были закрепощены. Другие аргументы автора столь же неубедительны, как, например, заявление, что скот смерда пасется вместе со скотом князя (откуда это следует?) и что смерды «живут по селам», а селом называлось в Древней Руси «сельское население, где находился княжеский или боярский двор» (тоже совершенно голословное заявление, не находящее опоры в источниках). Но вывод делается весьма категорический. «Смерд прикреплен к земле. Он крепостной, изменить свое состояние он может, только выйдя из общины, бежав» (стр. 166).

Но, рисуя, вслед за Юшковым, смердов в качестве особой категории зависимого крепостного крестьянства, потерявшего свою правоспособность, В. Мавродин далее, вслед за Б. Д. Грековым, вынужден признать, что слово «смерды» обозначало в Киевской Руси сельское население вообще. Последний вывод можно принять с той оговоркой, что «освоение» древнерусского крестьянства феодалами не сразу и не автоматически вело за собою изменение правового положения смерда, еще долгое время сохранявшего правоспособность свободного человека, что «Русская Правда» рисует нам смерда еще юридически свободным. Напомним, что Энгельс отмечал необходимость длительного периода прежде чем «раньше юридически равноправные со своим вотчинником при всей своей экономической зависимости от него» свободные крестьяне «и в правовом отношении стали его подданными» (Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 403). А признание этого положения сразу разрешило бы «загадку» смерда и прекратило бы насилия над текстами «Русской Правды», в которой смерды представлены со всеми атрибутами свободного человека, что нисколько не колеблет несомненного наличия процесса их феодализации.

«Мы не будем,—пишет В. В. Мавродин,—специально останавливаться на положении и роли холопа, закупа, рядовича, изгоя и смерда, так как не сможем ничего прибавить к тому, что написал в своей работе Б. Д. Греков» (стр. 164). Между тем как раз анализ положения различных категорий зависимого населения, делаемый Б. Д. Грековым, нельзя считать исчерпывающим, так как при анализе «Русской Правды» и других памятников права Б. Д. Греков избегает пользоваться юридическими понятиями и терминами. Поэтому трудно согласиться с В. В. Мавродиным, когда он отказывается от анализа положения закупа, холопа и др., считая, что все эти вопросы окончательно и исчерпывающе разрешены. Наоборот, экономическое и особенно правовое положение этих категорий населения необходимо еще уточнить.

В анализ положения отдельных категорий населения Киевской Руси нужно внести серьезные поправки еще и потому, что в пылу полемики против теории рабовладельческой формации на Руси выдвигались положения, которые выходили за пределы точных и недвусмысленных показаний источников.

Многие существенные стороны вопроса об образовании древнерусского государства не разрешены проф. В. Мавродиным с достаточной убедительностью и ясностью. Почти все свое внимание автор посвящает деятельности князей, рассматривая их как подлинных основателей Киевского государства (стр. 297), в связи с чем автор делает явные уступки норманистской концепции¹ и идеалистическим воззрениям на ход исторического процесса².

Автор явно не разобрался в основных понятиях марксистско-ленинской теории государства и допускает поэтому бросающуюся в глаза путаницу в вопросе о возникновении государства у восточных славян и об этапах его развития.

Киевское государство IX—X вв. автор рассматривает как период военной демократии, считая, что и во время княжения Владимира нет еще «богатых и жадных бояр, нищих холопов, насилия, гнета» (стр. 290), т. е. нет еще классов. Только начиная с Владимира «Русь переставала быть варварской державой; она становилась феодальным государством. Эпоха «военной демократии» отходила в прошлое» (стр. 287). И если Святослав рассматривается В. Мавродиным как «князь времен «военной демократии» (стр. 259—260), то Владимир уже «последний князь-воин дружинной, варварской Руси, венчающий ее вершину, и в то же самое время он—первый князь феодальной Руси» (стр. 290). Более того, время Ярослава В. Мавродин тоже характеризует как «конец патриархальной варварской Руси и начало Руси феодальной» (стр. 347)³, причем под варварским строем подразумевает все ту же военную демократию.

Таким образом, политическая структура древнерусского государства рассматривается В. Мавродиным как строй военной демократии. Это, однако, серьезная теоретическая ошибка. Энгельс, отмечая условия создания союзов племен и перехода от племенных подразделений к территориальным, пишет: «Военачальник народа... становится необходимым, постоянным должностным лицом. Появляется народное собрание там, где его не существовало. Военачальник, совет, народное собрание образуют органы развивающейся из родового строя военной демократии. Военной потому, что война и организация для войны становятся теперь нормальными функциями народной жизни». Со временем «грабительские войны усиливают власть верховного военачальника», она переходит в наследственную. Лишь постепенно родовое общественное устройство превращается в свою противоположность: «из организации племен для свободного регулирования своих собственных дел оно превращается в организацию для грабежа и угнетения соседей, и, соответственно этому, его органы из орудий народной воли превращаются в самостоятельные органы господства и угнетения, направленные против собственного народа»⁴. «Родовой строй отжил свой век. Он был разрушен разделением труда и его последствием—разделением общества на классы. Он был заменен государством»⁵.

Таким образом, военная демократия еще не является государством, а строем, переходным к государственному. Б. Д. Греков совершенно правильно характеризует военную демократию как переходное явление от родового общественного устройства к

¹ «Узурпировав власть в Новгороде, варяги... объединяют бесчисленных «светлых и великих» князьков русских и нерусских племен Восточной Европы, всю эту племенную, родовую и общинную знать» (стр. 385).

² Так, расцвет раннего феодализма объясняется тем, что его подготовил «всей своей деятельностью» князь Владимир.

³ Построив периодизацию истории Киевской Руси по князьям, В. Мавродин, желая видеть в княжении каждого князя особенную эпоху, вынужден бесконечно повторяться. Так, объявив княжение Святослава героическим периодом в истории русского народа (стр. 259), В. Мавродин княжение Владимира тоже объявляет героическим периодом (стр. 289). Заявив, что время Владимира—это время «успешного окончания создания древнерусского государства» (стр. 289), автор затем отмечает, что Ярослав «завершает процесс образования древнерусского государства» (стр. 347). Эта расплывчатость мысли, осложненная риторикой автора, затрудняет читателю пользование книгой.

⁴ Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 139—140.

⁵ Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 144.

государственному. Он отмечает, что при военной демократии существует еще «вооруженный народ, управляющийся своим народным собранием, советом вождей и высшим военачальником, не знающий еще власти, отделенной от народа и тем более ему противопоставляемой»¹.

Не разобравшись в существе строя «военной демократии», В. Мавродин делает сразу две ошибки: объявляет государством союзы антских племен VI в., когда классовое деление еще только намечалось (рабство носило еще патриархальный характер), и характеризует как военную демократию политический строй древнерусского государства IX—X вв., когда, как убедительно показал Б. Д. Греков, классовое деление выступало вполне отчетливо и оформилась типично государственная организация, хотя и сохранявшая долгое время форму демократического устройства. Вече (народное собрание) продолжало сохранять крупное значение, но решающую роль на нем играла уже эксплуататорская верхушка, а совет старейшин превратился в совет господ. Нужно заметить, однако, что, видимо, чувствуя шаткость своей позиции, В. Мавродин характеризует антский союз племен то как государство, то как «полугосударственное образование» (стр. 54—55) или «протогосударство» (стр. 53). Даже Киевскую Русь до Владимира В. В. Мавродин называет в одном месте «предгосударственной»².

Характеризуя политический строй Киевской Руси IX—X вв. как «военную демократию», автор вместе с тем не только не уделяет никакого внимания роли вече, но заявляет, вопреки источникам, что летопись сообщает о вече только один раз, и то этот рассказ летописи является «полулегендарным» (стр. 343). С другой стороны, как В. В. Мавродин признает, и при Владимире народ «сам еще играет большую роль в истории своей страны» (стр. 290).

В каких же формах проявлялась эта роль народа и как можно говорить о военной демократии IX—X вв., если вече было в это время парализовано?

На самом деле и после образования государства, в дофеодальный период, когда народ был еще в своей массе юридически свободным, вече продолжало играть весьма заметную роль в структуре древнерусского государства, хотя ведущее значение на нем

¹ Б. Д. Греков, *Борьба Руси за создание своего государства*, М., 1945, стр. 22.

² К сожалению, эти противоречия порождены тем, что и у авторов, за которыми В. Мавродин следует, точно так же нет полной ясности в этом вопросе. Так, Б. Д. Греков в своей работе «Борьба Руси...», правильно определяя антский союз племен как военную демократию и характеризуя ее как переходный момент к государству, иногда называет его государством без всяких оговорок (см. «Борьба Руси за создание своего государства», М., 1945, стр. 22, 29, 31). Неясность мысли обращает на себя внимание у С. В. Юшкова. В своем учебнике «История государства и права» (1941 г.) автор возникновения древнерусской государственности относил к IX в., а в новой работе С. В. Юшков уже антский союз племен (VI в.) характеризует как государство, хотя показания источников рисуют нам типичный строй военной демократии и лишь первые симптомы начинающегося классового деления (С. Юшков, *Учебное пособие по истории государства и права*, М., 1944, в. 1—2, стр. 8). Историю Киевского государства С. В. Юшков ранее разделял на два этапа—дофеодальный (до Ярослава) и феодальный (начиная с Ярослава). Теперь феодальный период С. В. Юшков начинает уже с Владимира (см. «Учебник», стр. 48 и «Учебное пособие», стр. 8). При этом, выдвинув тезис, что периоду феодальной раздробленности предшествует период единой феодальной монархии (время Владимира—Ярослава), С. В. Юшков здесь же объявляет, что феодальная раздробленность началась как раз при Владимире. Через некоторое время С. В. Юшков дает уже более расплывчатую формулировку, говоря, что класс феодалов пришел к господству при Владимире Святославовиче и сыне его Ярославе Мудром (С. В. Юшков, *Основные моменты истории русского государства до середины XIX в.*, Научная сессия, посвященная XX-летию ВИОН, М., 1946, стр. 3). Два года назад С. В. Юшков писал, что уже при Владимире «русское варварское (дофеодальное) государство сделалось феодальным» («Учебное пособие», стр. 27).

уже приобрела эксплуататорская верхушка. Задача исследователя заключается в том, чтобы показать, как прежний военачальник превратился в наследственного князя, окруженного дружиной и опирающегося на знать, как совет старейшин превратился в «господу»—княжеско-боярскую думу, а вече подпало под влияние руководящей знати. Возникновение государства само по себе отнюдь не «отменяет» демократии, речь идет о перерождении демократии доклассового общества в демократию классовую.

Но, совершенно игнорируя в своем исследовании древнерусскую демократию в лице веча и уделив в связи с этим все свое внимание деятельности князей, которые выступают в роли подлинных создателей русского государства, автор, как уже было сказано, неизбежно стал на путь уступок той норманистской концепции, которую он сам же объявил антинаучной.

Норманистская концепция происхождения древнерусского государства оказала свое влияние на все построение В. В. Мавродина. Если его борьба против норманизма оказалась бесплодной, то причина тому в неправильной характеристике политической структуры Киевского государства, где единственной творчески-активной силой оказываются князья. Если бы автор более глубоко вскрыл роль древнерусского веча, которое было «в князьях вольно», то ему бы стало ясно, что княжеская власть была лишь одним из элементов древнерусского государства и что народ и вышедшая из него, хотя уже противостоящая ему, феодализирующаяся знать играли в тот период направляющую роль в жизни государства, в связи с чем вся история с князьями-варягами есть не более как эпизод, имеющий чисто династическое значение.

Действительно, если считать, что Киевское государство сложилось в результате деятельности Рюрика, Олега, Игоря, то неизбежно приходится признать, как это и делает В. В. Мавродин, что «находники-варяги» в известных случаях среди «русов» играли первенствующую роль». «Они были,—продолжает автор,—тем элементом, который если и не вызывал на Руси процесса образования государства, то во всяком случае влился в этот процесс и способствовал его ускорению» (стр. 388). Таким образом, В. В. Мавродин возрождает по существу норманистскую теорию. Отвергнув тезис о завоевании восточных славян варягами, автор, однако, возвращается к теории завоевания, заметив только, что «находники»-варяги не смогли установить с в о е й (подчеркнуто мною.—С. П.) системы владчества, ограничившись «вассалитетом без ленов или ленами, обложенными только данью» (стр. 389). Значит, варяги все-таки установили свое господство и учредили вассальную зависимость.

В другом месте В. В. Мавродин еще более определенно пишет о «захвате власти варяжским конунгом» (стр. 212), «помимо воли и желания новгородских мужей» и даже «вопреки им», причем это породило борьбу между узурпаторами-варягами и новгородцами, стремившимися сбросить «навязанную им оружием власть варяжского викинга» (там же), однако эта борьба кончилась для новгородцев неудачно.

Выходит, таким образом, что варяжский конунг и его потомки, захватив власть в Новгороде, а затем и в Киеве, и создали русское государство. К таким вопиюще неверным и давно отброшенным наукою выводам приходит В. В. Мавродин, хотя и делает неоднократно декларативные заявления против норманистской теории.

Выпустив в свет труд объемом в 39 печ. листов, В. В. Мавродин не считал нужным пояснить, какое место должна занять его работа, по мысли автора, среди многочисленных исследований по истории Киевской Руси, в каком отношении она находится к работам как дореволюционных, так и советских исследователей. Автор не предположил своему обширному труду каного-либо историографического введения. Более того, выпустив через несколько месяцев сокращенное издание своей книги под новым названием «Древняя Русь», автор не пояснил читателю, что он выпускает в свет не новую работу, а сокращение старой, предназначенной, быть может, для более широкого читателя.

Обращает на себя внимание и то, что в общем яркий литературный стиль автора и колоритный язык значительно обесцениваются частыми, иногда навязчивыми, повторениями одних и тех же метафор и напыщенной риторикой.

В целом работа представляет собою попытку дать сводку материала по вопросу

о происхождении русского народа, зарождении классового общества среди восточного славянства и о начале русского государства. Эта сводка имела бы значительную ценность, если бы автор в ряде основных пунктов не сделал шага назад от результатов изысканий ведущих советских ученых, работающих над историей Киевской Руси. Так, вместо преодоления остатков и рудиментов норманизма В. В. Мавродин попал в плен к норманизму, объявив, по сути дела, организаторами Киевского государства варяжских князей. Вместо преодоления неточностей в характеристике общественных классов древней Руси, еще встречающихся в нашей научной литературе, дана путаная и нечеткая обрисовка их положения, не опирающаяся на самостоятельный анализ источников. Вместо внесения окончательной ясности в вопрос о начале русского государства, его политической структуре и установления точной периодизации, что было подготовлено предшествующими трудами советских ученых, В. В. Мавродин внес путаницу в изложение процесса образования древнерусского государства.

Разбор труда В. В. Мавродина показывает, что ряд труднейших вопросов—об этногенезе русского народа, о происхождении наименования «русь», о роли норманнов в процессе образования древнерусского государства, о ходе классовобразования и характеристике экономического и юридического положения различных классов и общественных групп, о политической структуре Киевского государства и о периодизации начальных этапов складывания древнерусского государства—не может считаться окончательно решенным и требует дальнейших научных исследований. Прочный фундамент, заложенный в трудах советских ученых, в первую очередь акад. Б. Д. Грекова, не оставляет сомнений в том, что и эти наиболее сложные вопросы исторической науки будут успешно разрешены.

С. А. Покровский

Академик Н. С. ДЕРЖАВИН. «Славяне в древности». Культурно-исторический очерк. Академия Наук Союза ССР. Научно-популярная серия. Ц. 16 р.

Естественно возросший в годы Отечественной войны интерес к истории славянских народов обусловил выход ряда монографических исследований, научно-популярных работ и статей, посвященных истории славянства в древности. К числу научно-популярных книг, посвященных этому сюжету, принадлежит изданная Академией Наук СССР работа академика Н. С. Державина «Славяне в древности», представляющая культурно-исторический очерк славянского мира на заре его письменной истории.

Рецензируемая книга делится на две части: «Историко-этнографический очерк» и «Первые государственные образования у славян и их история в древности (VII—XI вв.)».

Первая глава историко-этнографического очерка посвящена древнейшим известиям о славянах, причем автор делит этот древнейший период в истории славянского мира на два этапа:—1) период, когда в письменных источниках славянство выступает под названием венедов, и—2) когда славянский мир делится на две части, и предки современных южных и западных славян выступают под названием «славяне», а далекие предшественники восточнославянских, русских племен именуются антами. Н. С. Державин анализирует наиболее ранние известия о славянах, выступающих под именем венедов, восходящие к концу I и началу II вв. и принадлежащие Плинию Старшему, Тациту и Птолемею. Случайные упоминания о венетах у Геродота и об индах у Софокла автор считает древнейшими свидетельствами о венетах. Это последнее утверждение заслуживает внимания, хотя, быть может, в данном случае речь идет о других племенах со сходными названиями, обитавших где-то на севере.

Анализируя различные попытки объяснить происхождение термина «венеды» (венды, винды), принадлежащие Нидерле, Гильфердингу, Брауну и др., Н. С. Державин обращается к работам Н. Я. Марра для того, чтобы доказать, что